

О первых балах в России.

Европейская традиция светских балов начинает формироваться в XIV веке. И одним из первых упоминаний, дошедших до наших дней, является бал, проведенный в Амьене по случаю бракосочетания Карла VI с Изабеллой Баварской в 1385 году. Со временем и при активной поддержке Марии Медичи приобретают большую популярность сначала во Франции, а затем и в других государствах. К началу 18 века становятся неотъемлемой частью придворных празднеств.

Молодой Петр, путешествуя по Европе был поражен и восхищен увиденным действием.

Французский двор и высшее парижское общество тогда, как и теперь, были законодателями моды, вкуса, любезности и светского обращения. Все это было заманчивой новостью для русского монарха.

Великий преобразователь сразу понял, какое благотворное влияние окажет на полубразованное русское общество.

В русской традиции танец имел значение скорее сакральное, ведущее свои корни из изначальных языческих верований. Христианская религия с ее догматом «греховности плоти» публично признавала танец, как дьявольское орудие обольщения и допускала его как утеху для черни. Представители привилегированных сословий считали танцы делом позорным, бесовским, недостойным порядочного человека. При дворе русских царей можно было встретить заезжих иностранных танцоров или своих скоморохов, но к ним относились как к людям третьего сорта. На них смотрели, их искусством наслаждались, но не принимали участия в подобных забавах. В Михневич приводит изречение преподобного Нифона о том, что «плясания, плескания собирают около себя студные бесы. А кто любит власть гусли и пение, плескание и плясание, тот чтит темного беса». Особенно строгие запреты налагались на женщин. В проповеди, датируемой 17 веком говорится: «о, лукавые жены, многовертимое плясание! Пляшущи бо жена невеста нарицается сатана, любодеица дьявала, супруга бесова; не токмо сама пляшущая сведена во дно адаво, но и ти, иже с любовью позоруют и во сластех раздвизаются на ню с похотию. Пляшущая бо жена многим мужем жена есть; тою дьявол многих прельстит во сне и на яву...»

Балы вводятся в общественный обиход Петром великим по возвращении его из Франции и Голландии в 1717 году. Это было непростое для страны время, когда молодой царь изменял значение Российской империи на геополитической карте мира. Изменениям подверглись не только географические границы и система управления страной, но и коренным образом изменил и обновил общественное устройство и быт людей ее населявших.

Следствием этого был указ от 26 ноября 1718 года о неслыханных до того времени собраниях обоих полов, называемых ассамблеями. В указе писалось; «Ассамблея слово французское, которое на русском языке одним словом выразить не возможно; обстоятельно сказать вольное, в котором доме собрание или съезд делается и не только для забавы, но и для дела; ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, притом же и забава. А каким образом оныя ассамблеи отправлять, определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай не войдет.»

Вот содержание этого указа:

1. Желаящий иметь у себя ассамблею должен известить о том каждого прибитым к дому билетом, куда вольно всякому прийти – мужчине или женщине.
2. Ассамблеи начинать не ранее четырех или пяти часов пополудни, а оканчивать не позже десяти. Во время пребывания в ассамблее каждый волен делать,

что пожелает ходить, играть и прочее и никто ему препятствовать или указывать не должен.

3. Хозяин не обязан ни встречать, ни провожать гостей или по чему-либо для них беспокоится; но должен иметь, на чем их посадить, чем их потчевать и чем осветить комнаты.

4. Каждый может приходить в ассамблею, в котором часу ему удобно, сидеть, танцевать или играть.

5. В ассамблеи могут приходить чиновные особы, с высших чинов до обер – офицеров и все дворяне, известнейшие купцы, начальники мастеров и канцелярские служители с женами и детьми.

6. Слугам и лакеям в апартаменты не входить, а отвести им в доме особые комнаты, чтобы в покоях ассамблеи было просторнее.

7. Преступивший эти правила подвергается наказанию осушить кубок Большого орла.

Объявление об учреждении ассамблей было подписано генерал – полицмейстером Петербурга А. Дивером, сразу став одним из наиболее наглядных символов обновления России. Петр I стремился к консолидации общества и приобщению максимального количества людей к европейской культуре и образу жизни. Поэтому посещение ассамблей было обязательным для представителей различных слоев общества.

Петр задумал эти собрания не только как танцевальные действия; это и биржа, и клуб, и приятельский журфикс. Никаких церемоний, ни встреч, ни проводов, ни потчеваний; всякий приходил, пил, ел, что поставил на стол хозяин, и уходил по усмотрению.

Однако эта затея не сразу увенчалась успехом. На ассамблеи созывали барабанным боем, а также прикрепленными на перекрестках объявлениями. Так как эти мероприятия относились к делу государственной важности, они проводились под бдительным наблюдением полиции, в обязанности которой входила тщательная проверка готовности помещения к проведению собрания и приему гостей и явка гостей. Таким образом, первоначально на эти собрания приглашенные съезжались скорее по необходимости, чем по собственной воле.

Обыкновенно, сам государь назначал, в чьем доме должна быть первая ассамблея.

Говорят, что указ этот произвел различные впечатления. Заключенные в высоких теремах красавицы наши, только по праздникам осмеливавшиеся подходить к косячатым окнам, чтобы посмотреть на улице народ, втайне радовались предстоящей свободе, но и страшились ее. С другой стороны, их маменьки, воспитанные по старине, неохотно повиновались воле государевой и жаловались на развращенное время, в которое девушкам позволялось не только разговаривать, не краснея, но даже прыгать с молодыми мужчинами и публично пить алкоголь.

Первоначально ассамблеи вводились принудительным путем. Участие в новомодных танцах, да еще под непрестанным контролем со стороны самого императора не способствовало накоплению положительных эмоций. М. Богословский в своей книге «Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века» пишет об ассамблее, устроенной в Преображенском во время визита Петра в Москву в 1722 году, когда «пришлось пустить в ход угрозу, чтобы привлечь на нее московских дам и девиц».

В дневнике камерюнкера при дворе герцога голштинского Ф.-В. Берхгольца, приехавшего в Россию в 1721 году, описывается курьезное и трагическое происшествие, имевшее место в том – же году. Всем женщинам, пропустившим одно из собраний, было приказано явиться в сенат и понести наказание, заключающееся в потреблении определенного количества водки. «Дибрая маршальша» Олсуфьева объявила свое отсутствие на ассамблее тем, что она находилась на последних сроках беременности и не покидала дома. «Хуже всего при том было, что им наперед объявили, что их собирают единственно для того только, чтобы напоить за неявку в прошлое воскресенье. (...) ...бедная маршальша так терзалась во

всю ночь, что на другое утро разрешилась мертвым младенцем, которого, говорят, представила в спирту. Вот случай, мне известный: кто знает, сколько, может быть, было еще и других подобных?»

По высочайшему повелению ассамблеи устроены были следующим образом. В одной комнате танцевали; в другой – находились шахматы и шашки; в третьей – трубки с деревянными спичками для закуривания, табак, рассыпанный на столах, и бутылки с винами.

Ассамблеи начинались всякую зиму у государя, а оканчивались у обер – полицмейстера. Он по списку, составленному самим государем, извещал за несколько дней особ, у которых надлежало собираться, о наступившей очереди. Хозяин приглашал знатнейших; прочих извещали об этом барабанным боем по городу, или на перекрестках улиц прибывали к домам приглашения ко всем проходящим, чтобы пожаловали к такому-то попрыгать и повеселиться. В день ассамблеи являлся к хозяину в два часа обер – полицмейстер с пятью канцеляристами, которые записывали приезжающих для того, чтобы потом донести об этом государю.

В три часа начинали съезжаться. Обыкновенно и дамы, и мужчины приезжали в самых богатых нарядах. Только во время траура при дворе никто кроме императрицы, не имел права носить драгоценных камней, золота или серебра. В шесть часов приезжал сам император, а немного спустя государыня с великими княжнами. К ней одной хозяин выходил навстречу и ее одну провожал до кареты. Излишняя учтивость к прочим посетителям наказывалась осушением кубка Большого орла. Дам угощали чаем, кофе, миндальным молоком, медом и вареньями. Мужчин пивом, вином и трубками. Лимонад, оршад и шоколад считались редкостью и подавались только на ассамблеях у герцога Голштинского и министра его Бассевича в 1723 году.

Впоследствии, когда в нашем обществе утвердились любезность и законы приличия, вошел в употребление следующий обычай. Хозяин во время танцев подносил букет цветов даме, которую хотел отличить. Дама эта становилась царицей бала, распоряжалась танцами и тот же букет торжественно отдавала другому кавалеру, назначая при том день, в который танцевать в его доме. Получивший цветы обязан был слепо повиноваться воле красавицы. Накануне назначенного ей дня посылал он ей веер, пару перчаток и также цветы, с которыми она являлась в собрание и как обладательница букета оставалась царицей бала до нового избрания. Этот обычай, напоминающий рыцарские времена, когда красота была душой всего великого, продолжался до царствования императрицы Екатерины II.

Главным увеселением на ассамблеях являлись танцы, которые открывали хозяин или хозяйка, или кто-нибудь из домашних. Так как на ассамблеях царило полное равенство, то каждый мог пригласить на танец не только самую знатную даму или девицу, но и государыню, и ее дочерей.

Начинались ассамблеи церемониальными танцами, которым всегда начинались свадебные и вообще торжественные праздники. Им предшествовали обязательные церемониальные поклоны. «Дамы, как и в английских танцах, становились по одну, а кавалеры по другую сторону; музыканты играют сначала род погребального марша, в продолжение которого кавалер и дама первой пары сперва кланяются (делают реверансы) своим соседям и друг другу, затем берутся за руки, делают круг влево и становятся опять на свое место. Такта они не соблюдают при том никакого. Эти поклоны, повторяемые всеми, заключались польским, и тогда уже все танцуют как следует.

Тогда маршал, заведовавший праздником, громко объявлял, что церемониальные танцы кончились. Наставала шумная веселость: всякий из посетителей мог участвовать в танцах. Далее следовали степенный польский тихий менуэт и резвый английский контрданс. В менуэтах дамам предоставлен был выбор. Кавалер, кончивший танец с выбравшей его дамой, обязан был в свою очередь выбрать другую и, протанцевав с нею, перестать. Дама же продолжала танцевать с другим кавалером. Таким образом, менуэт продолжался, пока музыка не возвещала о перемене. Польские и контрдансы отличались тем, что первые были весьма медленны и продолжительны, а в последних каждая пара

делала свои фигуры, повторяемые прочими.

Русская пляска осталась одним из пережитков старины и не только не запрещалась, но и наоборот, поощрялась императором. В их исполнении на ассамблее проявлялась самобытность национальной культуры, и в дальнейшем прижилась став отличительной особенностью русских светских собраний. Бердяев объяснял это «...склонностью русских людей к оргиям и хороводам...»

Первое время участники ассамблей плохо и неуклюже держались в непривычных костюмах. Дамы, затянутые в крепкие корсеты, с огромными фижмами, в башмаках на высоких каблуках, с пышно расчесанной, и большей частью напудренной прическою, с длинными «шлепами», или шлейфами, не умели не только легко вертеться в танцах, но не знали как встать или сесть. Изначально ничем не стесненные русские женщины сменили просторные сарафаны на европейский узкий «костяной кирас», исчезающую в огромном фишбане. Башмаки на полторавершковых каблуках не позволяли легко кружиться в танце. Головы их украшали вместо привычной косы огромные напудренные кауфюры, открытые шеи отягощали драгоценные камни.

Кавалеров их новые костюмы стесняли ничуть не меньше. Мужская мода предписывала носить суконные или бархатные кафтаны и камзолы, расшитые золотом или серебром, узкие панталоны и тяжелые туфли на каблуках с массивными пряжками, руки путались в кружевных манжетах. Военные приходили на ассамблеи в перчатках и при шпаге. Пышные, напудренные парики с множеством буклей удобства тоже не прибавляли.

Пленные шведские офицеры стали первыми учителями танцев русских дам и кавалеров. Они долго были единственными танцорами в ассамблеях. Но постепенно все привыкли к новым костюмам, и петровское нововведение потеряло первоначальный натянутый вид.

Впоследствии из – за границы стали выписывать танцмейстеров, в обязанности которых помимо обучения танцевальному искусству входило также преподавание хороших манер. Такая должность называлась «преподаватель танцев, учтивости и кумплимента». Хотя петровские собрания и имели статус «вольных собраний», многие детали требовали знания и соблюдения правил «политеса». Такие правила можно было почерпнуть из различных руководств по этикету, появившихся в то время.

Вскоре преподавание балных танцев и хороших манер было введено в качестве обязательного в казенных учебных заведениях, что подчеркивало значимость вводимых Петром перемен в системе устройства общественной жизни.

Вообще тогдашние танцоры, одетые по образцу придворных Людовика 14, перенимали и в обращении манеры этих корифеев светской жизни; но, подражая, старались иногда превосходить тех, когда брали за образец. Таким образом, мужчина, желавший танцевать с дамой, подходил к ней не прежде, как после трёх церемониальных поклонов. Во время танцев едва касался пальцами её пальцев, а когда оканчивал, тогда изъявлял свою благодарность, поцеловав ей руку.

По окончании ассамблеи у богатых людей подавался ужин, и за столом дамы обязательно сидели вперемешку с кавалерами. Надо отметить, что дома построенные при основании Петербурга не были просторны, а приемные залы и вовсе малы. Бывало, что в той комнате, где обедали и ужинали, слуги, убрав столы, подметали вениками пол, раскрывали зимой окна, чтобы проветрить помещение и затем в этой же комнате кавалеры и дамы принимались за танцы. Иногда и места для общего ужина тоже не хватало, тогда гости делились на две группы; пока одна обедала, другая танцевала. Иностранцы современники отмечали скуку и неестественность поведения многих присутствующих на подобных собраниях. Однако обилие алкоголя, а паче чаяния непереносимые наказания «белым орлом» со временем снимали неприятное напряжение, иногда сменявшиеся буйным весельем.

Вскоре различные степени образования разделили общество: собрания не прерывались, но их могли посещать только особы, приглашенные хозяином. Там-то важнейшие в государстве люди забывали на время своё величие: император, императрица и

великие княжны всегда много танцевали, особенно последние.

Петр понимал, что без одобрения церкви его нововведение не имеет будущего. Священный страх перед царем, как перед воплощением бога на земле – это одно, но ужас перед дном адовом и падении бессмертной души это другое. Чтобы переломить традиционное неприятие танца служителями культа, Петр вовлекает в это светское мероприятие и черное духовенство. Согласно указу первоприсудствующего в Синоде, с 1723 года учреждались ассамблеи в московских монастырях. 29 декабря 1723 года была проведена первая ассамблея у архимандрита Донского монастыря. На нее были приглашены президент Синода архиепископ новгородский Феодосий, архиепископ Крутицкий Леонид, архиепископы московских монастырей, чиновники синодальной канцелярии. Это тоже имело неоднозначные последствия. Митрополит Казанский Сильвестр в доносе осуждал это действие, но в основном имело положительный отклик.

В Петербурге ассамблеи, согласно указа, оканчивались к 10 часам. Иногда, развеселившийся государь приказывал дамам через генерал – полицмейстера оставаться и долее положенного часа. В таких случаях после отдыха гостей и ужина Петр сам управлял танцами и все танцевали, пока это было угодно государю.

Во время ассамблей Петр ходил взад и вперед по зале, присаживался к какой –нибудь компании и вступал в общий разговор. Когда он был в хорошем настроении, то не было человека веселее и разговорчивее его. В танцах он был мастером своего дела и большим затейником. Царь выделял такие «каприоли», которые составили бы честь лучшим балетмейстерам того времени. Все танцующие кавалеры должны были в точности выделять ногами, что и государь.

Императрица с супругом, с герцогом Голштинским или с князем Меншиковым как правило открывала танцы. Екатерина, как и Петр Великий, танцевала прекрасно. В паре с супругом она успевала сделать три круга, тогда как остальные не оканчивали еще и первый. Но прилежно она танцевала только в паре с государем, с остальными кавалерами была небрежна и ходила шагом. Всякому свободно было просить танцевать великих княжон, и так как многие искали чести, то они не знали отдыха. Одна только царевна Прасковья, сестра императрицы Анны, не любила танцев и шла танцевать не иначе как по повелению самого государя под нахмуренные брови «батюшки – дядюшки».

Люди преклонных лет и почтенного звания часто также прыгали вместе с другими. Царь забавлялся их усталостью. Таким образом в 1721 году на свадьбе генерал-майора князя Трубецкого с дочерью главного корабельного строителя И.М. Головина император подозвал к себе генерал-адмирала графа Ф.М. Апраксина, вице-канцлера барона Шафирова, князя Голицына и графов Ф. Долгорукого, П.А. Толстого и генерала И.И. Бутурлина. Самому молодому из них было не менее 60 лет. Государь назначил каждому из них молодую даму и сам, взяв императрицу, пошел с ними танцевать род гротеска.

«Царь со свойственной ему настойчивостью принялся обучать танцоров и объявил им, что выучит их скоро. Как не бился, однако, государь – дело не шло на лад: ученики его чуть держались на ногах, а царь прискакивал и вертелся перед ними без усталости. Старики путались, задыхались, кряхтели, у них кружились головы, другими овладевали припадками одышки. Танец этот продолжался около часу. Государь, бывший в первой паре, делал самые трудные па, и всякий из танцующих должен был слепо подражать ему во всем. Не исполнивший этого осушал в наказание кубок Большого орла. Отпустив после этого стариков. Он начинал танцевать с молодыми новый, им самим придуманный замысловатый «kettentanz».

Душою петровских ассамблей был генерал – прокурор граф Ягужинский. Из танцующих кавалеров отличались сам государь, австрийский посланник граф Кинский, голштинский министр Бсеевич, молодые князья Трубецкой и Долгорукий и граф Головкин.

Из дам первое место занимала великая княжна Елизавета Петровна. Отличались также княжны Черкасская, Кантемир, графини Головкины и Долгорукая, бывшая впоследствии невестой императора Петра 2.

Ассамблеи давались не в одном Петербурге. С переездом в 1722 году двора в Москву завелись собрания и в этой столице. Собрания по указу происходили три раза в неделю: по воскресеньям, вторникам и четвергам. Кроме того, бывали частные балы, где было менее посетителей, но зато более весёлости: на этих частных балах танцевали иногда до трёх часов пополуночи. Музыка на ассамблеях была большей частью духовая: трубы, фаготы, гобои и литавры.

Пётр Великий ввел в употребление сперва тарелки, литавры и фагот; потом появились трубы, валторны и гобои. Государь выписал из Германии капельмейстеров с тем, чтоб они обучали молодых солдат, которые каждый день от 11 до 12 часов играли на адмиралтейской башне. Особенно любил Пётр польский рожок; всегда имел при себе музыканта, который во время занятий наигрывал государю на этом инструменте польские и малороссийские песни; государь и сам даже в часы досуга занимался игрой на рожке.

Многие вельможи имели также свои капеллы: лучшая принадлежала княгине Черкарской.

Карл Ульрих, приехавший в Россию в 1721 году и после взявшие в супружество великую княжну Анну Петровну, имел в своей свите капеллу, состоявшую из одного фортепиано, нескольких скрипок, одной виольтамур, одного альтя, одной велончели, одного контрабаса, двух флейт и двух валторн.

Пленительная игра этих музыкантов и новость привезённых инструментов доставляли им часто случай показывать своё искусство: говорили, что тот праздник не в праздник, где не играли голштинские музыканты.

Охота к танцам час от часа более распространялась. При императрице Екатерине I не знание танцев считалось уже в девице недостатком воспитания. Двору не было надобности приказывать ассамблеи: они вскоре и совсем уничтожились. Зато частные балы не прекращались. Замечательно, что около этого времени введены были в наши общества карты.

Петр I не терпел карт и предпочитал им шашки, а особенно шахматы, игру любимую им до крайности, в которой он почти не находил себе равного.

Ссор и брани Петр не терпел, и виновного в нарушении приятельской беседы, того, кто «лишнее врал и других задирал», заставлял пить штраф – кубка три – четыре вина, или одного «орла» - большой ковш такой же вместимости.

Ассамблеи были зимним удовольствием. Летом Петр устраивал свои торжества и празднества на свежем воздухе – в садах и на просторах реки Невы.

В Летнем саду торжественно праздновался день именин царя и предшествовавший им день «преславной виктории» /Полтавской победы/. Праздник начинался около пяти часов вечера, после обеда; к этому времени на обширной лужайке сада – Царицыном лугу – выстраивались Преображенский и Семеновский полки; царь угощал солдат, поднося им собственноручно в деревянных чашах вино и пиво. Приглашенные гости должны были добираться до места, как до некоего острова исключительно водным путем – по Неве. Затем, сойдя на берег принять чарку вина из рук императрицы или ее дочерей. Дальнейшее веселье тоже было сильно регламентировано.

У государя была страсть к торжественным шествиям, аллегорическим процессиям и маскарадам, и он старался устраивать все это при всяком удобном случае. Одним из наиболее известных маскарадов является пятидневный маскарад. Проходивший в Москве в начале 1722 года по поводу подписания Ништадтского мира. За несколько дней до маскарада, император лично осматривал костюмы участников и в случае неудовлетворения заставлял все переделывать. Ношение масок во время маскарада было обязательным. Известен случай. Когда в день маскарада 11 февраля 1724 года сенаторы заседали с масками на лицах. Ситуация абсурдная. Но характерная для своего времени. Люди приобщались к новым правилам поведения в обществе, надевали одежду нового образца, учились по новому вести дела. Для многих участников это было дорогое и утомительное мероприятие. Так маскарадная составляющая постепенно перетекала в повседневную жизнь, постепенно

становясь привычкой.

Со своего первого появления в России ассамблеи решили сразу несколько возложенных на них проблем. Во первых вовлекли в светскую жизнь женщин, богатых купцов. Представителей инженерной и мастеровой элиты. Представители недворянского сословия получили возможность общаться с аристократией, для выполнения общей миссии – строительства новой России. Во - вторых, это способствовало налаживанию тесных связей с иноземными купцами и дворянством. Российское общество стало более открытым для представителей других держав.

После смерти Петра ассамблеи претерпели сильные изменения. Из единых мероприятий для всех постепенно стали увеселением только для отдельных слоев общества. С одной стороны, балы высшего света. А с другой стороны – танцы для средних слоев общества, объединяющий людей одного социального круга.

Петр добился своего и ассамблеи, перерожденные в сословные балы, стали местом общения людей своего круга, и в большой степени способствовали сплочению нации. Балы и танцевальные вечера глубоко проникли в культуру России: в течении почти двух столетий они были неотъемлемой частью общественной жизни страны. Последним балным сезоном в России стала зима 1913-1914 годов. Начало Первой мировой войны стало концом в истории русских балов, но танцевальная культура на этом не закончилась. С утверждением новой социалистической культуры танцевальные вечера перешли в другую плоскость своего развития и в разных вариантах существуют и теперь. И так же. Как и задумывал Петр 1, служат местом, где люди могут общаться, налаживать личные и деловые связи и просто получать удовольствие от движения под музыку.

Использованная литература:

Анна Колесникова «Бал в России XVIII – начала XX века»Азбука – классика, Спб. 2005 г.

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер – юнкера Берхгольца: В 4 ч. Ч 1-2. М., 1857 – 1758 г.

Богословский М.М. «Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века» Пг.1918.

Зарин А.Е. «царские развлечения и забавы за 300 лет». Исторические очерки. М. 1913 г.

Правила вежливости и светского этикета (правила светской жизни и этикета. Хороший тон.), составители: Юрьев и Владимирский. Печатается по изданию типографии в.А. Тихонова, Санкт- Петербург. 1889г.

Михневич В. «Пляски на Руси в хороводе, на балу и в балете» СПб. 1854 г.

Сумароков П. «Старый и новый быт» Спб. 1841 г.